

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОИСКАХ ПРАВЕДНИКОВ

«Люди, которые писали мне эти письма,
даже не подозревали, что они святые ..»
Клайв Стейплз Льюис Два интервью.

В классической литературе сложилась прочная традиция изображения людей праведного образа жизни, людей, живущих по законам Божиим.

Чаще всего эти люди, как у К.С.Льюиса, «не подозревают, что они святые».

Окружающий мир и вовсе не считает их святыми, а называет глупыми, дураками, «бараньими головами». В сказке Н.С. Лескова «Маланья – голова баранья» о героине сказано: «Так прозвали ее потому, что считали ее глупою, а глупою ее почитали за то, что она о других больше, чем о себе думала»[1, с 345].

Таких людей в традиции христианства и христианизированной литературы называли праведниками.

Солженицын в период победившего соцреализма эту традицию продолжил и озвучил: назвал свой рассказ «Не стоит село без праведника», направив интертекстуальные нити и к ветхозаветной истории Содомы и Гоморры, и к Книге пророка Ионы, и лесковским «очарованным странникам».

Твардовский, из конъюнктурных соображений переименовав рассказ Солженицына в «Матренин двор», понимал и принимал первичное название, вмещающее авторский замысел, потому и написал в своем дневнике: «..перечитал с пяти утра его Праведницу»[2,с.136].

Один из обозревателей литературного раздела российского сайта «Татьянин день», Андрей Десницкий в статье «Рыба по имени Вера» патетически вопрошает «А есть ли в современной литературе книги, которые говорят о жизни настоящих святых наших дней, да так, чтобы поверить можно каждому слову, чтобы все персонажи выходили живыми, все ситуации – подлинными?»[3]

Что же заставляет журналиста сомневаться в существовании такого рода литературы, такого рода книг?

Ответ более чем прост. Утрата современной литературы такой естественной черты литературы классической, как гуманизм. Высоким стилем это звучит так - утрата современной литературой высокой традиции «милость к падшим призывать».

Ведь сколько ни стилизуй под классику свои писания, не достичь ее уровня и даже подобия, если исчезли любовь к человеку и понимание человека, ближнего ли, дальнего ли.

В предисловии к сборнику новелл Галины Тарасюк писательница и переводчик Евгения Кононенко с удивлением отмечает, что новеллы эти не просто читабельны и стилистически совершенны, но и содержат в себе это свойство, утраченное современной литературой, – гуманизм: «І що є не менш важливим, в новелах і оповіданнях Галини Тарасюк є те, чого катастрофічно бракує текстам як українських, так і

світових письменників. Це гуманізм, природна риса класичної літератури, яка зазвичай, „з кінцями” полишила літературу модерну і постмодерну”[4, с.3].

В новелле Галины Тарасюк „Ганька – сама собі ворог” удивителен для современной литературы выбор героини: не успешной, не карьерной, не богатой.

Крестьянка из постсоветского украинского села, „лиходолиця- самітниця”[5,с.428] , Ганька любит работу.

«Галопом» летит она, маленькая и сухонькая, на „плантации „ богатых родственников, которые обрабатывает , как прежде „галопом” летала на поля колхозные.

Среди толстых („твої братові і сестриця повгодовувалися аж в шкуру не потовпляться!”[5,с.429]) родственников и односельчан Ганька одна худая, как щепка („худая , як тріска, одна снасть зосталась”[5, с 429].

И внешне отличается Ганька от окружающих : все – толстые, она – худая,- и внутренне: все зарабатывают, а она – работает.

Зарабатывать Ганька как раз не умеет, потому что процесс «зарабатывания» включает в качестве обязательного компонента не столько работу, сколько мошенничество, обман.

Сестрица Маруся и жена брата Марина пытались приобщить глупую Ганьку к «зарабатыванию», но ничего не вышло : «Ганька тримає в руках ту синю браковану курку, якій вмерти своєю смертю братові не дали , і їй рот не розтуляється ціну сказати , тож на запитання : „Скільки стоїть куриця ?” – каже:” Стільки , скільки дасте”. А скільки ж вони можуть дати, ті бідні люди в Одесі , без городів, без хазяйства , без колгоспних полів. А тут – одне море до неба і город Одеса повнісінький людей, і всі бігають по базарах - їдла шукають!” [5, с. 441]

Утрата первоначального смысла понятий в современном постсоветском мире , где зарабатывать означает не работу, а мошенничество, когда «нормально жить» значит воровать и бездельничать, противопоставляют Ганьку окружающим как носительницу утраченных смыслов, данных Богом миру.

Ломая народническую традицию, продолженную и во времена советские, когда село изображалось форпостом духовности, умильного изображения украинского села и украинских селян, Галина Тарасюк создает в своей новелле едкую сатиру на постколхозную деревню. Писательница шаржирует и доводит до абсурда повседневные события сельской жизни в духе своего творческого метода, который писательница именует «абсурдным реализмом».

Село Балабановка , где живет Ганька , явно не шевченковское идиллическое рустикальное пространство с садком « вишневым коло хаты». Шевченковых мадонн с младенцами на руках там тоже не наблюдается. Но Ганька с ее безмерной добротой к людям , своим и чужим, близким и дальним, с лихвой компенсирует и жадность, и ограниченность, и бездуховность односельчан.

Она жалеет и любит все живое : от своих свинообразных братьев и их толстых жен до жадных и избалованных племянников – студентов, от бездомных городских алкоголиков с их детьми – «комариками» до своих ленивых котов («Звісно, порозгонила б Ганька цих котюг лінивих , та жаліє - Божа ж твар!»[5,с.434] и поросят- «воспитанных свинтусов».

Подружка Ганьки Гафийка только руками всплескивает от возмущения : «Страшна ти людина , Ганько! Ти ж своєю добротою не лиш людей - скотину портиш! Воно ж не цінує! Воно думає, що так треба, що ти дурна, а воно розумне – і сідає на голову!”[5, с.434].

Балабановка как бы и не село вовсе, потому что церкви нет.

И отдает Ганька на постройку церкви остатки своей пенсии: «Після тої святої офіри Ганька пару тижнів без хліба сиділа, на борщі і бараболі. Нічого - не вмерла. І не схудла, бо вже нема куди худнути.”[5, с.437].

Этот поступок Ганьки – кульминационная точка сюжета новеллы . Мы узнаем ,после того как начнет величать ее голова сельрады по отчеству, что и не Ганька она, а Ганна Трофимовна.

Вездесущая и всезнающая подружка Гафийка после долгого раздумья вынесет приговор: «Не, Ганько, щось я з тобою нічого не доберу: або в тебе не всі вдома, або ангелів повна хата..»[5, с.438].

А голова сельрады Славко велит всем селянам сдавать деньги на церковь.

Выходит , история Балабанивки повторяет в сниженном варианте не историю Содомы и Гоморры, а историю другого ветхозаветного города - Ниневии, где жили грешно и безбожно, но, когда пришел Божий посланец, очнулись и покаялись.

В пересказе отца Александра Меня события Книги пророка Ионы изложены так :

«.. и он идет в Ниневию. Приходит и объявляет в этой столице жестокой могущественной ассирийской империи : «Через три дня , если вы не покаетесь, город ваш будет разрушен.» Он, конечно, думал, что эти негодяи не покаются, и, закончив свое слово, удалился на пригорок и стал смотреть на город, что же с ним будет. Но, к величайшей его досаде, ниневийцы покаялись. Они вдруг поняли, что жили не так и что злоба их дошла до предела»[7, с53].

Хоть и вымерзало, и горело, и прело, и налогами душат, и цены – не цены, а горе, и солярка дорогушая, а деньги на церковь в Балабанивке нашли.

Но для того, чтобы село стояло или состоялось, нужна Ганька, которая отдаст все , что было в кошельке, что оставила себе на хлеб до следующей пенсии, и скажет: «Життя підказало ... і душа.. Тай по людях , чую, скрізь церкви ставлять..»[5, с.437].

Особенный способ мышления Ганьки вместе с радостно- удивленным восприятием мира и суровым кодексом правил жизненного поведения делает ее счастливою. Умение ценить то, что имеешь, то, что дал тебе Бог , - редкостное умение, утраченное современным миром умение. Ни деньги, ни обилие нарядов, ни широта материальных возможностей делают человека счастливым, а это умение.

Рецензентка из газеты «День» Парасковия Нечаева завершает свою статью утверждением: « .. доброта і ширість таких людей , як Ганька, - наче наш останній оплот»[6].

Счастье не в богатстве, не в красоте, но в смирении и благодарности за жизнь, какой бы она не была, в осознания своего места в жизни, места, которое есть у каждого, в открытии для себя Бога и Его заповедей.

В одном из интервью Галина Тарасюк признавалась: «Мені давно хотілося написати дуже християнський твір, „житіє сучасної Божої людини ”.»[9]

Она написала много таких призведений , где герои – народ отверженный: больные и бедные старики, забытые близкими, дети, лишенные родительской заботы, женщины, уставшие от тяжелого труда , люди, потерявшие дом и родину, - маленькие люди, маргиналы общества , народ Божий.

Российская писательница Людмила Улицкая назвала таких людей «народом избранным».

Очень суровый критик Илья Кириллов в статье «Колбаса косы» Людмилы Улицкой», дойдя до анализа рассказа «Народ избранный» из сборника «Бедные родственники», сменяет гнев на милость и возглашает возрождение традиции сочувственного возвышения маленького человека : «Несмотря на название , она отказалась в нем от каких бы то ни было национальных дефиниций, а рассказала историю о церковных нищих, редкую по своей духовной красоте и внутренней правде»[8].

Мастерица затейливых сюжетов, сплетаемых в семейные саги, Улицкая в названном рассказе очень просто излагает вещи очень сложные.

Читательница на форуме сайта Улицкой оставила наивный пересказ «Народа избранного»:

рассказ о Зинаиде, которая недавно похоронила мать.

На самом деле, рассказ «Народ избранный» - история про поиски своего места в жизни и осознания своей миссии, возложенной Богом на каждого человека: «Где поставил тебя Господь, там и стой!»[10, с.291 - 292].

Иллюстрацией к этому утверждению Кати Рыжей есть ее повествование о встрече с двумя монахинями и своих размышлениях после этой встречи :

«Вот оно, мое место, калека , стою у храма, проходят люди мимо, каждый посмотрит и про себя скажет: слава тебе, Господи, что ноги мои здоровы и что не я стою здесь с рукой-то! А другой и совестью зашевелиться, смекнет , что Богу неблагодарен за все благодеяния Его»[10, с.292] .

Кроме прямо изложенного в рамках авторского замысла тезиса об избранности маленьких людей , церковных нищих, страдающих и несущих свой крест смиренно и безропотно, в рассказе Людмилы Улицкой присутствует на уровне авторской интенции изображение двух типов верующих и двух типов веры.

Если Катя Рыжая наблюдает, ищет, сопоставляет и делает выводы, олицетворяя веру, ищущую Бога через разум и разумом, то Зинаида с ее бесхитростным , блаженным неведением является самым воплощением веры нерассуждающей, интуитивной, абсолютно лишенной интеллектуального элемента, нравственных поисков и открытий : „Зинаида сидела, как замороженная. Рот открыт, глаза закосили, она слушала Катины слова и не слышала их , но смысл входил в нее каким – то странным образом – не то через кожу, не то через воздух”[10, с. 291].

Начиная с первых строк, повествование погружено в контекст библейских текстов и рамки церковного календаря: «Седьмого октября, в канун Сергия Радонежского, Зинаида приволокла к церкви свое жидкое, стекающее книзу волнами, скорбное тело и остановилась на ничейной земле..»[10, с.279].

Завершаются события рассказа в день праздника Покровы: «Зинаида пришла к Покрову. Больше ее не гнали. Она собрала много денег, почти четыре рубля. Все время, прислоняясь спиной к балюстрадке, она искала глазами Катю, но так и не нашла.»[10, с.284].

Иных указаний реального времени в рассказе мы не находим. Художественное время заключено во временной отрезок между двумя осенними церковными праздниками с их точными датами: 7 октября – 14 октября.

За семь дней героини переживают главные события своей жизни, которые открывают для них «новое видение»: «По мнению Улицкой, такова логика истинного христианина, убежденного в том, что все происходящее, даже самое несправедливое, самое мучительное, если его правильно воспринять, непременно направлено на открытие в человеке нового видения»[11, с.37].

Но события личные, важные только для героинь рассказа, включены в отрезок цикла церковного календаря, в «движение духовно – религиозного солнца, и срastaются , и сплетаются в единый жизненный ход»[12, с.7].

Цитата из работы Ивана Ильина «О тьме и просветлении» была использована автором предисловия Б.Н.Любимовым для характеристики художественного времени книги российского писателя – эмигранта И.С.Шмелева «Лето Господне», но удивительно точно подходит и к рассказу Людмилы Улицкой.

Совпадение не случайно: произведения, анализируемые нами , продолжают и развивают традицию , сформированную классической литературой.

Актуализация образа «маленького человека» в образах возвышенных над средним обывателем праведников – юродивых – Божьих людей, превалирование ценностей христианских над ценностями как традиционно- буржуазного, так постмодерного общества, – тенденции , наблюдаемые нами в проанализированном литературном материале, свидетельствуют о поисках современной литературы, об осознании литературы современной себя наследницей качеств и свойств литературы классической.

Литература

1. Н.Лесков Маланья – голова баранья.// Н.Лесков Собр.соч.в 5 тт., т.5 – Москва: «Правда», 1984, с.510./Лесков Н. Собр.соч.в 5 тт., т.5 – Москва: «Правда», 1984, с.510.
- 2.В.Я.Лакшин Открытая дверь. Воспоминания. Портреты.- Москва: Московский рабочий, 1989, с.448./ Лакшин В.Я. Открытая дверь. Воспоминания. Портреты.- Москва: Московский рабочий, 1989, с.448.
3. Андрей Десницкий Рыба по имени Вера// [http:// www. Татьянанин день. ru](http://www.Татьянин день. ru) ./Десницкий Андрей Рыба по имени Вера// [http:// www. Татьянанин день. ru](http://www.Татьянин день. ru).
4. Євгенія Кононенко Майстер новели./ Галина Тарасюк Ковчег для метеликів. – Луцьк: ВАТ „Волинська обласна друкарня”, 2009, с.3./ Кононенко Євгенія Майстер новели./ Галина Тарасюк Ковчег для метеликів. – Луцьк: ВАТ „Волинська обласна друкарня”, 2009, с.3.
5. Галина Тарасюк Ковчег для метеликів – Луцьк: ВАТ „Волинська обласна друкарня”,2009, с.498./ Тарасюк Галина Ковчег для метеликів – Луцьк: ВАТ „Волинська обласна друкарня”,2009, с.498.
6. Парасковія Нечаєва О ирокезах и Ганьке.// День, №84, четвер, 26 березня 2009 року./Нечаєва Парасковія О ирокезах и Ганьке.// День, №84, четвер, 26 березня 2009 року.
7. Александр Мень Радостная весть. Лекции. Выпуск 1. - Москва: АО «Вита- Центр», 1991, с.318./ Мень Александр Радостная весть. Лекции. Выпуск 1.- Москва: АО «Вита- Центр»,1991, с.318.
8. Илья Кириллов «Колбаса косы» Людмилы Улицкой. / Старое литературное обозрение// [www. zavtra ru./ denlit ./ 044. / 42.html](http://www.zavtra ru./ denlit ./ 044. / 42.html)./ Кириллов Илья «Колбаса косы» Людмилы Улицкой. / Старое литературное обозрение//www.zavtra ru./ denlit ./ 044. / 42.html.
9. Євгенія Кононенко Письменниця з біографією. ЛітАкцент, 27 травня 2009 року // [www. Litakcent .info](http://www.Litakcent .info)./Кононенко Євгенія Письменниця з біографією. ЛітАкцент, 27 травня 2009 року. // [www. Litakcent .info](http://www.Litakcent .info).
10. Людмила Улицкая Народ избранный. // Людмила Улицкая Сонечка. - Москва: Эксмо, 2006, с.414./ Улицкая Людмила Сонечка. - Москва: Эксмо, 2006, с.414.
11. Анна Цуркан Единство в многообразии, или Народ избранный// Старое литературное обозрение. Рецензии , №2, 2001./ Цуркан Анна Единство в многообразии, или Народ избранный// Старое литературное обозрение. Рецензии , №2, 2001.
12. Б.Н.Любимов Душа Родины., с.5-24.// И.С.Шмелев Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве.- Москва: Московский рабочий, 1990, с.573./ Любимов Б.Н. Душа Родины., с.5-24// И.С.Шмелев Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве. - Москва: Московский рабочий, 1990, с.573.